

Действительно, очень больно.

Схватка между хрупким телом и твердой пулей была заранее проиграна, но физическая боль ничто по сравнению с душевным отчаянием, которое она испытала в тот миг, когда увидела Цинь Сяо, лежащую на больничной койке.

Этим выстрелом она не пыталась искупить жизнь жизнью, да и сама эта фраза — лишь насмешка, способ обмануть мир. Она может начать заново, очутиться в другом, совершенно чужом мире, в то время как Чжао Жо останется лежать на холодном полу, так и не сумев подняться.

Линь Цинъянь просто хотела покончить с этой историей Чжао Жо. Теперь, когда сестра Линь Ханя умерла вместе с Чжао Жо, она не могла позволить, чтобы в следующем мире ее мысли по-прежнему были заняты событиями прошлого. Она была лишена человечности, ее чувства были эгоистичны, а единственная искренняя привязанность уже давно отдана Цинь Сяо — разве у нее осталось хоть что-то для других?

Чжао Жо, если хочешь кого-то винить, вини себя за то, что не разобралась в людях и доверилась такой негодяйке, как она.

Линь Цинъянь знала: когда она очнется, то окажется во втором мире. Ей не нужно было об этом беспокоиться — это была работа Системы 741.

Линь Цинъянь открыла глаза. Она лежала на деревянной кровати — жесткой, сколоченной из нескольких досок, поверх которых была брошена циновка. Разве на такой можно выспаться?

Опираясь на руки, она с трудом села. Голова гудела, было тяжело. Она коснулась лбом ладони, затем прижала левую руку к груди: боли не было, а одежда на ней сменилась на незнакомую. Казалось, она сменила тело.

— Это еще что?

Система 741 отозвалась, поясняя:

— Второй мир. Жуйань — династия, которой не было в истории, нечто похожее на вашу древность. Надеюсь, ты быстро адаптируешься. И еще: ты ведешь себя слишком безрассудно. Неужели в каждом мире ты обязательно должна умирать? Чтобы выполнение задания не пострадало, я временно придержу твоё прежнее тело у себя.

Сказать «придержу» — значит «конфискую». Каждый раз, когда Система 741 возвращала Линь Цинъянь к жизни, она тратила свою энергию, а такие убыточные сделки не в правилах Системы 741.

— Из-за расхода энергии мне нужно подзарядиться. Не беспокой меня по пустякам, я появлюсь, когда придет время помочь тебе.

— Как хочешь.

Линь Цинъянь потянула за край одежды, массируя виски, и принялась осматриваться. Над головой виднелись перекрещенные балки, покрытые сухой пожелтевшей травой. Положение было незавидным, но приходилось действовать по обстоятельствам. Она понимала: в прошлом мире она была слишком нетерпелива.

Обстановка в комнате была предельно простой: кроме кровати, на которой она лежала, здесь стоял лишь стол из расщепленного бамбука да три маленькие бамбуковые табуретки. Эти предметы, едва ли заслуживающие названия мебели, были старыми и пожелтевшими от времени. Сказать, что они жили в бедности, — ничего не сказать.

— Янь-эр, ты наконец очнулась! Что бы я делала без тебя...

В комнату вошла пожилая женщина, держа в руках чашу с каким-то отваром. Ее седые волосы были собраны шпилькой — изумрудной, прозрачной, на вид очень дорогой. Она выглядела совершенно неуместно на фоне убогой обстановки. Женщина шла неуверенно, словно была серьезно больна.

Линь Цинъянь внимательно присмотрелась: в молодости эта женщина, должно быть, была настоящей красавицей. Даже сейчас, несмотря на желтоватый цвет лица и морщинистую, грубую кожу, в ее чертах угадывалась бывшая стать.

— Матушка, я в порядке.

Линь Цинъянь надела лежавшую на кровати одежду, встала, приняла чашу с отваром и залпом выпила его. Вытерев рукавом остатки лекарства с губ, она помогла Матушке Линь присесть на табурет.

Услышав, что дочь обратилась к ней не так, как обычно, Матушка Линь подумала, что та на нее сердится.

— Это все моя вина, что Янь-эр приходится жить со мной в такой нужде. Сейчас тебе уже пятнадцать, а я с самого детства заставляла тебя носить мужскую одежду. Ты обижаешься на меня?

— Матушка, что за слова? Как я могу винить тебя?

Линь Цинъянь было все равно, во что одеваться, но в этой неизвестной династии мужской облик действительно был удобнее и безопаснее.

Она села рядом с Матушкой Линь, чувствуя необъяснимую жалость к этой женщине. Сама Линь Цинъянь была сиротой, она даже не знала, как выглядели ее настоящие родители. В детстве, глядя, как сверстники ласково зовут своих маму и папу, она часто представляла своих, но с годами эта тоска сошла на нет.

— Янь-эр, послушай меня, больше не ходи в горы за травами. Я сама знаю, что с моим здоровьем.

Глаза Матушки Линь наполнились нежностью, она привычным движением собрала распущенные волосы дочери в пучок.

— Матушка, я...

Линь Цинъянь оказалась в мире, о котором ничего не знала, и уж точно не была лекарем, чтобы помочь матери.

— Тетушка, Цинъянь проснулась? — раздался голос снаружи.

— Это Дашань пришел. В тот раз, если бы не он, кто бы принес тебя, бесчувственную, домой?

— Матушка Линь вытерла слезы и позвала: — Дашань, заходи!

Они жили в маленькой деревушке, кормясь тем, что давал лес. Родители Дашаня умерли несколько лет назад, он был одинок и не женат. Он всегда заботился об их семье, принося дичь после каждой охоты.

— Тетушка, вот, сегодня подстрелил, пусть Цинъянь подкрепится.

В комнату вошел мужчина в одежде из звериных шкур. За спиной у него висел лук, а в руке он держал фазана, пронзенного серой стрелой. Это и был Дашань — на вид простой и добродушный парень.

— Спасибо.

Линь Цинъянь опередила Матушку Линь, которая уже собиралась подняться, забрала фазана и положила его на бамбуковый стол.

Дашань почесал затылок и заулыбался. Что случилось с братом Цинъянем? После того как очнулся, стал таким отчужденным. Неужели ударился головой?

— Тетушка, на улице солнце припекает, я выведу Цинъяня погулять, ему полезно для восстановления.

Матушка Линь просияла:

— Хорошо, хорошо! Погуляй с Янь-эр, а я пока приготовлю обед.

— Матушка, я лучше побуду дома с...

Линь Цинъянь не успела договорить, как мать вытолкала ее за дверь. Она сразу поняла намек: Матушка Линь хотела сосватать ее с Дашанем. Похоже, этот парень даже не догадывался, что она — девушка.

Они отошли от хижины. Дашань был высоким, полностью оправдывая свое имя — он был на целую голову выше нее.

— Дашань, ты что-нибудь знаешь о моей матери?

— О тетушке? Знаю немного. Когда мои родители были живы, они говорили, что она очень несчастна. А почему ты спрашиваешь?

Линь Цинъянь разочарованно покачала головой. Остаться здесь на какое-то время было не страшно, но как она могла бросить мать?

Ее взгляд упал на лук Дашаня.

— Это твой лук?

Дашань снял его с плеча.

— Ты про этот? Сам сделал, для охоты. Если нравится, я как-нибудь сделаю тебе такой же.

— Дай попробовать.

Делать было все равно нечего, и у Линь Цинъянь проснулся интерес.

— На, только осторожнее.

Лук оказался тяжелее, чем она ожидала. Линь Цинъянь взяла его левой рукой за середину, правой натянула тетиву, но не удержала равновесие, и лук упал на землю.

Линь Цинъянь повернулась и зашагала обратно к хижине:

— Я чувствую запах еды. Пойдем скорее, а то матушка будет волноваться.

Дашань поднял лук и поспешил следом, недоумевая: почему он сам ничего не почувствовал?

<http://bllate.org/book/21645/2233718>